

КУЧИНСКИЙ М. М. — в МПКК
О КУЧИНСКОМ М. М. — в РЕВВОЕНТРИБУНАЛ

КУЧИНСКИЙ Михаил Антонович, родился в 1855 в имении на хуторе Укроповичи Борисовского уезда Минской губ. (дворянин и помещик). Получил высшее образование. Занимался в имении сельским хозяйством. 7 октября 1920 — арестован там как заложник, заключен в тюрьму в Великих Луках. Приговорен к ссылке и отправлен в Вятку. 5 мая освобожден и оставлен в Вятском доме инвалидов.

КУЧИНСКИЙ Михаил Михайлович, родился в 1880-х в имении на хуторе Укроповичи Борисовского уезда Минской губ. (отец, Кучинский Михаил Антонович, дворянин и помещик). Получил высшее образование, до 1914 — служил в Варшавской Казенной Палате, затем в управлении беженцев в Минске, с 1917 — делопроизводителем податного инспектора финансового отдела в Борисове, затем — в канцелярии Народного Суда в селе Логиницу, а позднее — в волостном отделе народного образования, с 1919 — заведующим финансовым отделом в Борисовском уезде. 7 октября 1920 — арестован в имении отца в Борисовском уезде как заложник, отправлен в тюрьму в Великих Луках. 11 ноября 1920 — приговорен «за неблагонадежность» к заключению в концлагерь до конца гражданской войны. Отправлен в лагерь в Коровниках под Ярославлем.

КУЧИНСКАЯ Ольга Михайловна, родилась в 1880-х в имении на хуторе Укроповичи Борисовского уезда Минской губ. Получила среднее образование, жила в имении отца в Борисовском уезде, преподавала в русской школе. В сентябре 1919 — после прихода поляков и закрытия школ, работала помощницей учителя польской школы. 7 октября 1920 — арестована как заложница, отправлена в тюрьму в Великих Луках. 11 ноября 1920 — приговорена «за неблагонадежность» к заключению в концлагерь до конца гражданской войны. Отправлена в Москву, 18 марта 1921 — прибыла в Рязанский лагерь.

В июне 1921 — Михаил Михайлович Кучинский обратился за помощью в Московский Политический Красный Крест.

<15 июня 1921>

«В Московский Политический Красный Крест.

Гражданина Михаила Михайловича
Кучинского, заключенного в
Ярославский концлагерь.

Заявление

Тетя моя Александра Николаевна Дубровская сообщила мне, что в ответ на ходатайство свое об освобождении гр<аждан> Кучинских, она получила от гр<ажданина> Секретаря Полит<ического> Красного Креста запрос, в котором она предлагает сообщить подробные сведения по делу Кучинских. Так как гр<ажданка> Дубровская не обладает этими сведениями, то я и сообщаю их в той мере, в какой сам ими обладаю.

7 октября 1920 г<ода> я, отец мой, Михаил Антонович Кучинский, и сестра, Ольга Михайловна Кучинская, были арестованы на хут<оре> Укроповичи, Гайно-Слободской вол<ости>, Борисовск<ого> у<езда>, Минской губ<ернии> проходившим отрядом Особого Отдела 15 армии. При аресте нам было объявлено, что мы арестованы для установления личности. Затем нас доставили в г<ород> Великие Луки Псковской губ<ернии>, где нам было объявлено уже под расписку, что мы арестованы для установления личности. В первых числах ноября 1920 г<ода> мы были

допрошены Судебным Следователем Особого Отдела 15 армии гр<ажданином> Коршуновым, причем, на допросе были потребованы от нас только биографические сведения. Больше никого из представителей судебной власти мы не видели, и приговор или постановление ее нам не были объявлены, а нас передали в распоряжение этапного начальника. Из переписки с сестрой и отцом, а также в пути мне удалось узнать, что мы постановлением Особого Отдела 15 армии подвергнуты следующему наказанию за "неблагонадежность": отец выслан в г<ород> Вятку под надзор милиции, я тоже должен был быть выслан в г<ород> Вятку, но в Ярославле во время пересылки задержан комендантом города и заключен в Ярославский концлагерь, а сестра, оставшись в Великих Луках вследствие болезни тифом, позднее была отправлена в г<ород> Рязань и заключена там в концлагерь. Постановление Особого Отдела 15 армии состоялось числа 11 или 18 ноября 1920 г<ода>, хорошо не помню, т<ак> к<ак> копии постановления нам нигде не удалось получить. Амнистия 7 ноября 1929 г<ода> по нашему делу не была применена. Насколько мне удалось мельком увидеть, постановление лично обо мне составлено в таких выражениях:

"1920 г<ода> Ноября 11 (или 18) Судебный Следователь Особого Отдела 15 армии Коршунов, рассмотрев дело о гр<ажданине> Михаиле Михайловиче Кучинском, обвиняемом в неблагонадежности и найдя обвинение доказанным, нашел необходимым заключить его в конц<центрационный> лагерь до окончания гражданской войны". — Далее следует заключение Старшего Суд<ебного> Следователя: "Выслать в Вятку (или Вятскую губ<ернию>) до ликвидации западного фронта". — И наконец: "Утверждаю". Начальник Особого Отдела 15 армии (подпись)".

В настоящее время я и сестра находимся в лагерях: я — Ярославском, а сестра — Рязанском, отец же 6 мая с<его> г<ода> освобожден от наказания, получил соответствующие документы и временно находится в г<ороде> Вятке, в доме инвалидов (ул<ица> Коммуны, № 27, во дворе 1-й пожарной части, дом приемник инвалидов № 3), т<ак> к<ак> Вятский ГубЭвак не дает документов на проезд на родину. Не выдает же документов на том основании, что теперь эвакуируются уроженцы Пинского и Новогрудского у<ездов> Минск<ой> г<убернии>, эвакуация же уроженцев Борисовского у<езда> еще не назначена. Здесь происходит, очевидно, какое-то недоразумение. Дело в том, что Пинский и Новогрудский уезды Минской губ<ернии> отошли к Польше и поэтому и эвакуируются уроженцы этих уездов, как подданные Польши. Борисовский же уезд входит в состав Российской Республики и поэтому, мне кажется, уроженцы этого уезда и не подлежат эвакуации, как подданные чужого государства, а имеют право передвижения в пределах Республики на общих основаниях, помимо ГубЭвака, при посредстве бюро пропусков Отдела Управления. В виду этого а также принимая во внимание, что отец мой, имеющий от роду 65 лет, в настоящее время страдает ревматизмом, что непривычный для него Вятский климат вредно отражается на его здоровье, что хозяйство на родине без его опытного руководства приходит в упадок и расстройство, так как там остались только мои старуха-мать и жена с 4 малолетними детьми, которые еле-еле управляют с полевыми работами, причем, жена и дети мои совсем не знакомы с ведением сельского хозяйства (я все время состоял на городской службе в разных учреждениях, чем и добывал средства к жизни), убедительно прошу Красный Крест оказать содействие к скорейшему разрешению отцу моему выехать на родину.

Теперь позволю себе сказать несколько слов по существу обвинения, за которое несем наказание, т<о> е<сть> неблагонадежность. В полном

значении этого слова мы беспартийные, т<ак> к<ак> никогда не принадлежали ни к каким партиям, а всю свою жизнь были поглощены работами о добывании себе средств к жизни. В чем выразилась или чем проявилась неблагонадежность, мы и до сей поры не знаем. Быть может она усмотрена в том, что отец и сестра оставались на родине в то время, когда часть Борисовского уезда была занята поляками и что отец мой по религии католик (жена и дети его православные, по национальности мы — белоруссы), и отсюда быть может было выведено заключение, что отец, а вместе с ним и его семья сочувствуют полякам. О том, что отец и сестра никогда не занимались политикой, не агитировали против Советской власти и никогда не противодействовали ее распоряжениям, был составлен приговор от имени соседних крестьян, которые при этом и ручались в полной их благонадежности. Приговор этот Исполкомом был зимою отправлен в Особый Отдел 15 армии.

Лично в отношении себя скажу, что после немецкой оккупации (до войны я работал в Варшавской Казенной Палате, а во время войны в г<ороде> Минске в учреждениях по устройству беженцев) я работал в г<ороде> Борисове (в финотделе в должности делопроизводителя податного инспектора) до занятия его поляками, а пред занятием его поляками я с семьей, оставив все свое имущество, бежал в незанятую часть Борисовского у<езда>, именно в с<ело> Логиницу, Логиницкой вол<ости>, где работал одно время в канцелярии местного Народного Суда, а затем в местном волостном отделе нар<одного> образ<ования>.

Когда Минская губ<ерния> была очищена от поляков и в г<ороде> Борисове начали функционировать Советские учреждения, я был призван в уфинотдел на должность податного инструктора Борисовск<ого> уезда, но ввиду того, что все мое домашнее имущество было уничтожено поляками и я с семьей остался буквально в том, что было на нас при бегстве, я не имел возможности поселиться в гор<оде> Борисове, почему заведующий уфинотделом, принимая во внимание мое бедственное положение, предложил мне занять должность заведующего финансовым отделом в моей родной волости, где я имел возможность поместить семью и своих родителей. И вот в сентябре 1920 г<ода> я приехал на родину, где и был арестован вместе с отцом и сестрой. Мою полную благонадежность могут подтвердить: Председатель Борисовского Уисполкома т<оварищ> Хацкевич, член РКП и член VII и VIII Всеросс<ийских> Съездов Советов, заведующий Борисовским Уфинотделом т<оварищ> Файнгауз, член РКП, Логиницкий Волостной Военный Комиссар т<оварищ> Короленко, член РКП, Логиницкая Волкомячейка, на глазах которых я работал, которые знают мою личную жизнь и деятельность и которые в свое время посылали Особому Отделу 15 армии ходатайства о моем освобождении.

12 апреля с<его> г<ода> я возбудил пред Ярославским Ревтрибуналом ходатайство о пересмотре моего дела в порядке опубликованного в № 64 "Известий ВЦИК" от 25 марта с<его> г<ода> декрета о Суде, но результата по этому ходатайству еще не последовало.

Такое же ходатайство в отношении сестры возбуждено моею матерью пред Рязанским Ревтрибуналом.

Излагая все это, я повторяю свою просьбу о содействии к возвращению отца моего на родину и вместе с тем покорнейше прошу принять участие в судьбе моей и моей сестры и насколько возможно посодействовать нашему освобождению, т<ак> к<ак> мы заключены до ликвидации западного фронта, который, ввиду заключения мира с Польшей, фактически уже перестал существовать.

М. Кучинский.

15 июня 1921 г<ода>

г<ород> Ярославль»¹.

В августе 1921 — заведующий юридическим отделом Московского Политического Красного Креста обратился с заявлением в Военный трибунал Республики.

<8 августа 1921>

«В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ РЕСПУБЛИКИ

по делу КУЧИНСКОГО
Мих<аила> Мих<айловича>

Содержащийся в Ярославском Концентрационном лагере гр<ажданин> Михаил Михайлович КУЧИНСКИЙ обратился к Моск<овскому> Полит<ическому> Красному Кресту с просьбой возбудить ходатайство об его освобождении. По объяснению Кучинского, он был арестован в хут<оре> Укроповичи Борисовского у<езда>, Минской губ<ернии> и в ноябре того же года О<собым> О<тделом> XV армии приговорен по неблагонадежности к высылке в Вятскую губ<ернию> "до ликвидации западного фронта". Поводом к аресту и признанию гр<ажданина> Кучинского неблагонадежным послужило следующее обстоятельство. 7/Х-20 г<ода> при отступлении Красной армии от г<орода> Борисова в дом его зашли агенты Польской военной разведки. Увидев, что Кучинский в это время обедал, они потребовали себе пищу и Кучинский, конечно, не мог им в этом отказать.

По отступлении Польской армии Кучинский, по доносу, был обвинен в добровольном кормлении польских военных частей.

М. М. Кучинский занимал должность делопроизводителя податного инспектора и при приближении поляков бежал со своей семьей из г<орода> Борисова. В подтверждение факта своей политической благонадежности и лояльного отношения к Советской власти Мих<аил> Мих<айлович> Кучинский ссылается на Председателя Борисовского Уисполкома т<оварища> Хацкевича, члена РКП и Члена VII и VIII Всероссийских съездов Советов, заведующего Борисовским Уфинотделом т<оварища> Файнгауз, члена РКП Ломницкого Волостного Военного Комиссара т<оварища> Короленко и на Ломницкую Волкомячейку, которыми и были поданы в О<собый> О<тдел> 15 армии ходатайства о его освобождении.

Ввиду всего вышеизложенного и принимая во внимание: 1) что гр<ажданин> Кучинский был осужден во время войны с Польшей к высылке из места его постоянного жительства, до ликвидации Западного фронта, 2) что ввиду окончания войны и ратификации мирного договора с Польшей — западный фронт должен быть признан ликвидированным, 3) что Кучинский уже более 9 месяцев лишен свободы, 4) что возвращение его на родину не может представить какой-либо опасности для Советской власти и 5) что обращение к О<собому> О<тделу> XV армии, постановившему определение о высылке Кучинского, за упразднением последнего не представляется возможным, Московский Политический Красный Крест просит Рев<олюционный> Воен<ный> трибунал Республики разрешить гр<ажданину> Кучинскому вследствие отбытия им назначенного ему срока наказания возвратиться на его постоянное местожительства и от содержания его под стражей освободить. С постановлением по сему заявлению Моск<овский> Полит<ический> Красный Крест просит его уведомить (Кузнецкий мост д<ом> 16).

¹ ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 196. С. 21-23. Автограф.

ЗА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА

<подпись>

ЗАВЕДУЮЩИЙ
ЮРИДИЧЕСКИМ ОТДЕЛОМ

<подпись>

СЕКРЕТАРЬ

<подпись>»².

² ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 196. С. 35-36. Машинопись.